

Александр

Тамоников

**Акт
слепого возмездия**

*Они не привыкли сдаваться
Они привыкли побеждать*

Проект «ЭЛЬБА»

Александр Тамоников
Акт слепого возмездия

«ЭКСМО»

2015

Тамоников А. А.

Акт слепого возмездия / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2015 — (Проект «ЭЛЬБА»)

Когда-то давно, на чеченской войне, плечо к плечу сражались три друга, три спецназовца, три побратима – Игнатьев, Колтунов и Сеницын. И вот восемнадцать лет спустя боевые друзья встречаются вновь. Да только повод очень печальный: от передоза наркотиков погиб сын Игнатьева. На похоронах бывшие спецназовцы клянутся отомстить за смерть парня и начинают жестокую охоту на местную наркомафию. Бывшие бойцы еще не знают, что щупальца криминального синдиката, торгующего наркотой, тянутся из УВД, где засели полицейские чиновники с большими звездами на погонах...

© Тамоников А. А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Тамоников

Акт слепого возмездия

© Тамоников А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Все, изложенное в книге, является плодом авторского
воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

Глава 1

Граната, выпущенная из «РПГ-7», напрочь снесла правую часть забора, выложенного из камня. Разведывательная группа попала в засаду, устроенную бандой наемников, возглавляемой полевым командиром Айбасом.

– Чуваш, закрой проем! Не дай духам сблизиться с нами до расстояния броска гранаты! – крикнул майор Роман Игнатьев, командир группы.

– Есть!

Сержант Валерий Рябов, он же Чуваш, в камуфляже, который от пыли стал больше похож на афганку, перенес «ПК» к проему, образовавшемуся в результате взрыва. Он поставил пулемет на сошки и открыл огонь по боевикам, мечущимся среди деревьев старого сада. Короткие очереди сразу выбили двух духов. Остальные боевики, оказавшиеся в секторе обстрела, залегли.

Рябов сэкономил боеприпасы. В расход пошла последняя лента из ста патронов. Поэтому он прекратил огонь и всматривался в сад красными глазами, слипающимися от пота и пыли.

Где-то там прятался гранатометчик. Глупо было надеяться, что у него не имелось в запасе еще пары-тройки выстрелов. Но этот субъект пока никак не проявлял себя.

Главарь банды понял, что с тыла спецназовцы выставили пулемет, и отдал команду на атаку с фронта. Боевики плотно со всех сторон обложили дом, в котором успела укрыться разведывательная группа, попавшая в засаду. Этот участок находился на окраине аула.

Атаку с фронта пришлось отбивать заместителю командира группы, капитану Юрию Колтунову, он же Колдун. Пока офицер справлялся с задачей, короткими очередями выбивал боевиков, которые были вынуждены прорываться через ворота. Но у капитана заканчивался боекомплект. В магазине, примкнутом к автомату, оставалось не более десяти патронов. В разгрузке был еще один, последний магазин. Одну из двух гранат «РГД-5» следовало приберечь для себя, чтобы не попасть в плен.

Айбас понял, что наступление с фронта тоже не идет. Он отдал приказ накрыть дом огнем из гранатомета, а потом атаковать его сразу со всех направлений.

Вражеский гранатометчик приподнялся из ямы за яблоней и начал целиться. Рябов тут же всадил ему в череп две пули. Подстрелил он и духа, рванувшегося за «РПГ».

– Молодчик, Чуваш! – крикнул Игнатьев. – Так держать!

– Командир, скоро стрелять будет нечем. У меня последняя коробка.

– Старайся бить короткими.

– А я что делаю?

Тут взрывная волна ударила в лицо сержанта, отбросила его от проема вместе с пулеметом. Плечо парня пронзила боль. Какой-то боевик все же добрался до малинника и бросил оттуда ручную гранату. Она легла с недолетом, но Рябов на какое-то время вышел из строя.

Игнатьев крикнул стрелку Антону Самойскому:

– Сом, к Чувашу!.. Птаха, прикрой Сому! – Это уже относилось к рядовому Сеницыну.

– Прикрываю!

– Попытайся выйти на командира отряда.

– Понял! Да только без толку. Он не отвечает.

– Запрашивай постоянно. Нам без подкрепления долго здесь не продержаться.

Связист открыл огонь по двору, прикрывая Самойского, который уже помогал Рябову, контуженному и раненному в плечо, укрыться в здании.

Рядовой Дмитрий Беляев, державший левый фланг, дал несколько очередей по шевелящемуся кустарнику и закричал:

– Есть! Я штук пять приземлил, командир.

– Молодец! – ответил Игнатъев.

Бой шел тяжело. Разведгруппа потеряла уже четырех человек. Теперь вот еще и Чуваш вне игры.

Игнатъев распорядился:

– Колдун, возьми «ПК»! На тебе по-прежнему ворота и угловой проем.

– Понял!

Стрельба вдруг стихла. Боевики подхватили раненых собратьев и начали отходить.

– Кажется, и на этот раз отбились! – проговорил Игнатъев и крикнул: – Колдун, ко мне!

Сом – на место капитана. Белому смотреть за садом! Птаха, тащи сюда радиостанцию!

К командиру подошел Колтунов.

– Хреново дела, Рома! Духи не выпустят нас. А в штабе даже не знают, что мы ведем бой.

Командир группы повернулся к радисту.

– Вызывай отряд, Птаха!

– Да не отвечают они, товарищ майор.

– Ты хочешь, чтобы из нас всех здесь люля-кебаб сделали? Вызывай!

– Есть! – Связист склонился над радиостанцией, пару минут монотонно и обреченно бубнил позывные и вдруг завопил: – Туман, слышу вас! Товарищ майор, есть связь с отрядом.

– Чего орешь? Тебя не только духи, но и весь аул, наверное, слышал. – Игнатъев взял гарнитуру. – Туман, здесь Старый!

– Где вы, что у вас?

– Группа в квадрате десять – сорок два, по улитке три попала в засаду. В общем, ждали нас духи в Арди. Как только мы подошли к аулу, так они и появились. Мы укрылись в крайнем доме с западной стороны, почти час ведем бой, на связь с вами выйти не могли. У меня четыре «двухсотых», один «трехсотый», не тяжелый, но полноценный бой вести не может.

– Сколько рыл в банде?

– А кто их считал?! На глаз примерно двадцать. Было больше. Мы положили как минимум треть, а то и больше. Нужна срочная помощь, у нас боеприпасы на исходе.

Командир отряда подполковник Ганевский спросил:

– Вы в прямом контакте с противником?

– Сейчас духи чуть отошли. Они в тридцати-пятидесяти метрах от нас, причем со всех сторон. Мы окружены.

– Значит, «Ми-24» вам не помогут.

– Нет.

– Прорваться в сектор шесть сможешь?

– Нет. Нас с флангов за секунды положат.

– Что предлагаешь?

– Нужна штурмовая группа. Если сбросить ее в том же шестом секторе, то шансы выжить у нас еще останутся.

– Понял. «Восьмерка» там сесть сможет?

– А хрен ее знает. Мы туда не дошли, застряли в ауле. Но ребята могут десантироваться и по-штурмовому.

– Это понятно. Но подкрепление прибудет к вам через полчаса, никак не раньше. Прдержитесь?

– У нас есть выбор?

– Тогда высылаю к тебе группу Савельева. Он свяжется с тобой при подлете.

– Хорошо. Но «крокодилы» все же держите на взлете. Если наступит критическая ситуация, они должны будут уничтожать и нас, и духов. Все одно придется подрывать себя самим.

– Ты это брось. Давай, до связи! Мы работаем!

– Мы тоже. – Игнатьев передал гарнитуру связисту: – Держи, Птаха. Тебе еще вызов Савельева принять надо.

– Так будет подмога, товарищ майор?

– А как иначе?

– Не было бы поздно.

– Отставить базары! Займи позицию Рябова и за радиостанцией смотри, как за собственными яйцами.

– Понял! – Связист улыбнулся и скрылся в коридоре.

– Слышал? – Игнатьев взглянул на Колтунова.

– Слышал! За полчаса Коля Савельев не успеет прибыть сюда. Одного лета на «Ми-8» минут двадцать. А еще сбор, посадка на борт, взлет, маневрирование. Для нас и полчаса много, если духи всем скопом навалятся.

– Будем надеяться, что Айбас не изменит тактику.

– Слабая надежда. Он тоже понимает, что мы можем вызвать подкрепление. Встречаться с ним ему никакого резона нет. Так что, скорее всего, сейчас он готовит общий штурм. Отвел банду для перегруппировки сил.

– Ты заметил, что у этого Айбаса нет чеченцев?

– Заметил. Ловушку нам подготовили арабы. Вот только откуда они прочухали, что мы придем сюда? Наверное, кто-то из штабных слил группу.

– Все может быть.

– Как же мне это надоело! Выживу, уволюсь к чертовой матери.

– Сначала надо выжить.

Игнатьев осторожно подошел к окну, выглянул и тут же отпрянул назад. Выстрела снайпера не последовало, значит, боевики действительно проводили перегруппировку.

Он вновь выглянул и воскликнул:

– Твою мать!..

– Что такое? – встрепенулся Колтунов.

– В десяти метрах правее проломанного угла забора лежат три духа.

– Ну и что? Было лучше, если бы они двигались?

– Я не о том. У них автоматы, запасные магазины. У одного на поясе вижу гранату.

Колтунов тоже выглянул во двор.

– Точно! Еще два духа прямо у забора. Вот и пополнение боезапаса.

– Этот участок просматривается, значит, и простреливается от дороги.

– Если не пополним боезапас, то и десяти минут штурма не выдержим. Так что надо рисковать.

– Кого предлагаешь послать? Добровольцев, боюсь, не будет.

– Сам пойду!

– Охренел? А если со мной что случится, кто группой командовать будет?

Колтунов посмотрел на Игнатьева.

– Рома, неужели ты не понимаешь, что без дополнительного боекомплекта нам не выстоять?! Никакой группы тогда просто не будет. Все поляжем в этом самом доме. Я пойду через окно. Парням отдай приказ быть в готовности. Пусть они прикрывают меня непосредственно отсюда. Еще нужен вещевой мешок.

– Так этого добра у каждого бойца...

– Ну да.

Колтунов прошел к рядовому Беляеву и взял у него вещевой мешок.

Тот нашел в себе силы улыбнуться и осведомился:

– За харчами в местное селпо собрались, товарищ капитан?

– За водкой!

– Тоже дело. Прогуляйтесь, товарищ капитан. Чему быть, того не миновать.

Капитан вернулся в комнату. Командир группы отдал приказ быть в готовности открыть огонь, предупредил бойцов о том, что Колтунов выходит во двор.

Юрий выпрыгнул из окна, перекатился к углу. Духи промолчали. Он добрался до двух трупов у забора, снял с них шесть полных магазинов и два частично израсходованных, три гранаты. Потом капитан пополз вдоль забора к пролому, и вот тут его заметили.

От дороги донесся вопль, и сразу же оттуда ударил автомат. Пули подняли фонтаны земли в метре от капитана. Короткая очередь прогремела с позиции Самойского. Вражеский автомат замолчал.

Колтунов перебежал к трем трупам, валявшимся у проема. В вещевом мешке оказались еще девять полных магазинов, три частично использованных, четыре наступательных гранаты.

Капитан осмотрелся. В десяти метрах за проемом тоже лежали духи, но к ним нельзя было подобраться. Колтунов подал сигнал Игнатьеву на возвращение.

Командир группы крикнул так, чтобы было слышно всем:

– Внимание, капитан идет в дом!

Майор тоже подготовился, но едва не упустил боевика, оказавшегося на гребне забора. В свободной руке тот держал пистолет.

– Твою мать! – взревел Игнатьев и короткой очередью сшиб боевика со стены.

Колтунов бросил в окно вещмешок, запрыгнул сам.

– Ух, пронесло. Как же ты, Рома, духа-то чуть не упустил?

– На тебя смотрел, на пролом, а он южнее на забор взгромоздился. Да как ловко!

– Ладно. Пронесло, вот и слава богу. Теперь у нас практически полный боекомплект. Полчаса должны продержаться.

– Если не ударят из гранатометов.

– Могут, – сказал Колтунов. – Но только от ворот и проломов. Эти места надо заблокировать. Пора бы, Рома, и нам провести перегруппировку. Основные удары духи, скорее всего, нанесут от ворот и с тыловой стороны сада.

– А фланги не используют.

– Используют, но не так активно. Опасность в том, что с востока и запада духи спокойно могут подойти к забору и оттуда забросать дом гранатами. Вероятность этого мала. Но если хоть одна граната попадет в окно, то мало нам не покажется.

– Ладно, не будем терять время на разговоры. Я с «ПК» займу позицию у правого окна фасада. Оттуда буду гасить попытки атаки через ворота и угловой пролом. Ты с Сеницыным закрепляйся в тыловой части. Беляева поставим на левый фланг, Самойского – на правый. Он, кстати, поддержит и меня. Ему будет виден пролом.

– Согласен. Радиостанцию оставим с Рябовым. Если что, он знает, как с ней работать.

– У нас это все знают.

– Вот и я о том. Беляева и Самойского следует предупредить о возможности атаки гранатами. Пусть соорудят в комнатах какую-нибудь защиту.

– Верно. Тогда я ставлю задачу, и занимаем позиции.

– Магазины не забудь раздать. Так, погоди. Я пять штук возьму – три себе, два Птахе. И по одной гранате.

– Давай!

Вооружившись, Колтунов приказал Сеницыну:

– Ты, Жора, станцию передай Чувашу и выходи в тыловую комнату.

– Понял!

– Быстро, Птаха!

– Есть, товарищ капитан!

Синицын подхватил радиостанцию и двинулся в центральную комнату, куда перешел Рябов. На полу у стены в ряд лежали погибшие боевые товарищи. При оружии, без магазинов, накрытые с головой плащ-палатками. Молодые ребята, старшему из которых недавно исполнилось двадцать три года. Младшему было чуть более двадцати одного.

Им бы жить да жить. Но на войне свои правила. Они осознанно, добровольно пошли в спецназ и выполнили свой долг до конца.

Банда пошла в атаку. Офицеры верно просчитали направления главных ударов. Основная часть арабов двинулась через тыловую калитку и сад.

Боевики немного подкорректировали свою тактику. Они разбились на три группы и продвигались вперед короткими перебежками. Бросок одной из них прикрывали огнем две другие.

– Так эти черти сблизятся с домом и пустят в ход гранаты, – проговорил капитан, повернулся к Синицыну и заявил: – Я на чердак. Ты, Птаха, огрызайся, но не высовывайся, выставь автомат и бей косыми очередями, слева направо или наоборот, понял?

– Так точно, товарищ капитан.

Колтунов метнулся в коридор, там по приставной лестнице поднялся на чердак, изрешеченный солнечными лучами, проникавшими туда через пробойны в шифере.

Слуховое окно выходило в сторону пустыря, поэтому капитану пришлось готовить амбразуру. Боевики не обратили на это никакого внимания. Никто из них по крыше не стрелял.

Капитан поймал в прицел бандита, за которым бежала одна из трех групп, и нажал на спусковой крючок. Араб споткнулся и упал, Юрий сразу же всадил две пули во второго бандита. Он перевел огонь на другие группы, больше ни в кого не попал и побежал вниз.

Боевики ударили по крыше со всех стволов. Этим воспользовался Синицын и срезал из окна еще двух арабов. Такие потери заставили бандитов сперва залечь, а затем и отойти в кусты.

Капитан спустился к связисту.

– Как ты?

– Двоих положил.

– И я двоих. Нормально, Птаха, держимся.

– Держимся, товарищ капитан.

Без труда отбил атаку и майор Игнатьев. Арабы пошли на приступ через снесенные ворота. Командир группы ударил по ним из «ПК». Простучали две очереди, и трое бандитов ткнулись физиономиями в пыль, а двое отскочили за забор.

Несколько арабов появились в проломе стены. Игнатьев перевел на них ствол пулемета, но тут в бой вступил рядовой Самойский. Он положил троих. Атака духов захлебнулась.

Но боевики не забыли про фланги. Случилось то, чего и опасались офицеры. Из-за забора к дому полетели гранаты. Справа они попросту не доставали до здания, разрывались метрах в пяти от него. Зато слева одна «РГД» влетела в комнату, где находился рядовой Беляев.

Он, как и было приказано, приготовил укрытия на этот случай, но отнесся к делу небрежно. Парень отодвинул от стены сундук, положил на него матрацы и одеяла. Этого, по его мнению, было достаточно. Но солдат ошибся.

Когда граната покатилась по полу, Беляев успел запрыгнуть за сундук, но спрятаться весь не смог. Ноги остались снаружи. В них и вонзились острые как бритва раскаленные осколки. Боец закричал от боли.

– Черт возьми! – сказал Колтунов. – Похоже, Беляеву досталось. Птаха, бегом к нему! Если ранен серьезно, окажи первую помощь и держи фланг.

– Понял! – Синицын перебежал в комнату, где за сундуком корчился Беляев, и спросил: – Куда тебя?..

– В ноги, – с трудом процедил Беляев сквозь сжатые, искушенные губы.

Синицын метнулся к окну и бросил за забор гранату. С той стороны тоже слышались вопли. Пыл боевиков немного остыл.

Связист достал аптечку и индивидуальный пакет. Он вколол в посеченные ноги товарища промедол и на скорую руку перевязал раны. Артерии уцелели, а вот правая голень, судя по всему, была сломана.

– Ты лежи, Белый. Все будет хорошо. Я за флангом присмотрю.

– Гранаты мои возьми, – прошептал Беляев.

Синицын сделал это и отошел к окну.

Колтунова по портативной станции вызвал командир группы.

– Колдун, что у вас?

– Атаку отбили. Духам удалось-таки забросить «РГД» в окно комнаты слева. Беляев ранен. Насколько серьезно, знает Птаха. Он сейчас там.

– Сколько духов положили?

– Четверых.

– У нас шестеро в минусе. Еще один орал за стеной. Это Птаха постарался?

– Больше никому.

– Значит, с десятков рыл мы у них выбили.

– Получается так. Что с Чувашем?

– Нормально, в себе, подполз к левому окну, готов поддержать меня.

– Одной рукой?

– Да я ему тоже говорил, сиди, мол, и не рыпайся. Нет, дескать, не могу, когда остальные дерутся.

– С раной понятно. А контузия, значит, не сильная?

– Не жалуется.

– Как думаешь, пойдут духи еще в атаку или отвалят? Потери у них более чем серьезные. Игнатьев усмехнулся и ответил без особого веселья в голосе:

– Ага, так они и отойдут!.. Но уже напрямую не полезут.

– Тогда им надо рушить забор с флангов.

– Точно! Ты в «десятку» попал, Колдун. Двое духов проскочили в аул. Где-то участка через три стоит трактор «Кировец». Отсюда только крыша видна.

– Думаешь, пригонят?..

– Почему нет? Для «Кировца» этот забор – семечки. Если кабину закрыть металлическими листами, то можно весь периметр снять.

– На это потребуется время.

– Да, но мы держимся только десять минут.

Колтунов удивился, посмотрел на часы и заявил:

– Черт, действительно! А такое ощущение, что полчаса прошло.

– Так что, Юра, время у духов еще есть. Люди тоже. Злые!.. Если они подобрали гранатомет, то нас ждут не очень приятные мгновения.

– Если бы мгновения!.. Слушай, а может, попытаемся прорваться к роще, в сектор шесть?

– Беляева бросим?

– Черт, о нем я не подумал. Тогда держимся, да?

– Если есть другой вариант, поделись, послушаю.

– Нет другого варианта.

– Тогда до связи.

– Давай!

Колтунов отключил рацию, вставил ее в нагрудной чехол, глянул в окно и тут же крикнул:

– Духи!

Пока офицеры переговаривались, шесть боевиков, выстроившись в ломаную линию, прошли половину сада. Они уже готовили гранаты.

– Твою мать, да сколько же вас? – Капитан дал очередь и зацепил боевика, который уже выдернул кольцо предохранительной чеки.

Прогремел взрыв, и трое духов рухнули в траву. Двое рванулись назад к кустам. Шестой получил ранение, бежать не мог. Он полз и что-то кричал товарищам. Те не реагировали.

Колтунов прицелился, добил раненого и тут же отпрыгнул от окна, по которому ударили двое боевиков, достигших кустов. Пули сбивали штукатурку, разносили в щепки остатки оконной рамы, вонзались в пол, в потолок.

Портативная рация опять сработала сигналом вызова.

Колтунов ответил:

– На связи.

– Жив, значит? – услышал он голос Игнатьева.

– Живой пока.

– В порядке?

– В полном.

– «Кировец» идет по улице. За ним человек шесть, может, семь.

– Послушай, сколько рыл в этой банде? Такое ощущение, что мы одного валим, а вместо него двое появляются.

– Видимо, Айбас держал где-то резерв, который сейчас ввел в бой.

– Похоже. И что будем делать с этой железякой?

– Попробую снять тракториста, разбить двигатель или хотя бы колеса. Вопрос в том, хватит ли патронов в «ПК». «АК-74» тут не поможет...

Переговоры прервал взрыв на чердаке, от которого содрогнулось все здание.

– Что это, Старый? Гранатомет?

– Он! Дело плохо!

Потянуло дымом.

– Старый, мы горим!

– Да, чердак горит.

– А потолок деревянный. Если он возьмется огнем, а так и случится, то совсем скоро на нас рухнет горящая крыша.

– Скоро, но не сразу. Тебе надо зачистить сад.

– Легко сказать. Из дома я этого не смогу сделать.

– Значит, выходи из здания.

– Да, придется. Но если трактор снесет хотя бы часть соседнего забора, то в саду духи нас обязательно сделают.

– Займись садом, трактор на мне!

– Принял, работаю.

– Давай, Юра! Недолго осталось.

Колтунов взглянул на часы. До подлета «Ми-8» со штурмовой группой осталось минимум десять минут. Черт, до чего же медленно тянется время. А дым все плотнее затягивал комнаты. Слышно было, как кашлял Самойский. Хорошо еще, что на улице ветер, хоть и слабый, да окна выбиты. Плохо – потолок взялся.

Капитан нырком вылетел из окна и откатился в сторону. Два боевика открыли по нему огонь из кустов. По вспышкам капитан определил их позиции, докатился до старой яблони и дал очередь из-за ствола.

Раздался вскрик. Один бандит прекратил огонь, но второго Колтунов не задел. Тот на время замолчал. Наверное, он менял позицию, возможно, выскользнул в калитку или откатился ближе к забору.

Со стороны улицы уже отчетливо доносился рокот дизеля. Трактор подходил к участку.

Капитан взглянул на крышу. Она полыхала по всей площади, шифер разрывался на куски, валил дым, отчего-то жутко черный. Впрочем, на чердаке было полно всякого хлама.

Колтунов повернулся к кустам. Оттуда не стреляли. Но это не означало, что боевик ушел. Он вполне мог незаметно для спецназовца занять новую позицию и ждать.

Надо было рисковать. Иначе этот араб положит всех, кто выйдет из дома. А парням надо было вынести не только раненого Беляева, но еще и тела погибших. Значит, капитану следовало зачистить сад как можно быстрее.

В это время Игнатьев, щуря глаза, слипающиеся от дыма, наблюдал за передвижением «Кировца». Он приказал Самойскому и Сеницыну начинать эвакуацию в сад. Первой походкой парни должны были помочь выбраться из дома Беляеву и Рябову, второй и третьей – вынести тела погибших.

Рябов самостоятельно дошел до тылового дверного проема, лег у порога и крикнул Колтунову:

– Товарищ капитан, я сзади, если что, прикрою!

– А сможешь?

– Смогу!

– Добро.

Сеницын с Самойским положили рядом с Рябовым Беляева, который потерял сознание. Потом они начали подтаскивать убитых, с опаской глядя на потолок, клубящийся дымом.

Игнатьев же следил за «Кировцем». Если он развернется, а тракторист укроется за приборной доской и поднимет ковш, то даже «ПК» не поможет остановить эту машину. Поэтому майор ждал момента, когда «Кировец» выйдет на короткий, метров десять, никак не более, участок дороги перед поворотом.

Боевик, находившийся в кабине, тоже понимал, что открытое место сулит ему беду, и увеличил скорость. Но Игнатьев успел из пулемета разнести два левых колеса «Кировца» и всадить очередь в двигатель. Трактор встал, накренился, и только ковш не дал ему перевернуться.

Бандит попытался выпрыгнуть из кабины. Игнатьев нажал на спусковой крючок. Прозвучал одиночный выстрел. Патроны в ленте кончились, но последний из них стал роковым для араба. Пуля попала ему в голову.

В это же время в соседней комнате раздался взрыв. Вновь ударил гранатометчик. Он стрелял с дальней позиции, которая находилась на возвышенности, иначе не попал бы в окно, не задев стены. Впрочем, это было уже не важно.

Игнатьев отбросил пулемет, схватил автомат и крикнул:

– Эй! Задело кого?

На счастье, Сеницын и Самойский буквально перед взрывом успели вытащить в коридор два последних тела.

– Все в порядке! – ответил связист.

Раздался скрежет. Майор глянул вверх, и в это время северная половина крыши рухнула. До полной катастрофы оставались считанные минуты.

Чтобы дать бойцам возможность вытащить из дома раненых и мертвых товарищей, Колтунов поднялся во весь рост и пошел к тыловому забору. Он длинными очередями бил по кустарнику и слышал короткий вопль. Значит, последний боевик из группы, атаковавшей с юга, был уничтожен, а резервы Айбас сюда не подвел.

Капитан отстрелял магазин, перезарядил автомат и приказал:

– Птаха, Сом! Белого и парней к правому забору. Чуваш прикрывает. Там занять оборону, подготовить гранаты. А где командир? Твою мать!.. Ведь он же был в дальней половине, где обрушилась крыша. Пацаны, держитесь, я за майором. Помощь уже рядом.

– Я с вами, товарищ капитан, – заявил Сеницын.

– А кто оборону держать будет, Птаха? Оставайся здесь, это приказ.

Колтунов бросился в дом, уперся в груды горящих балок и крикнул:

– Старый, отзовись!

В грохоте рушащегося дома он едва услышал тихий знакомый голос:

– Уходи, Юра!

– Ты где?

– Уходи, придавит!

– Твою мать, Старый, не зли меня! Я и так не особо добрый.

– У окна, балкой подмяло, огонь в метре.

– Жди!

Напрямик добраться до командира было нельзя. Мешали горящие балки.

Колтунов бросился в комнату, где получил ранение Беляев, выпрыгнул из окна. Тут обвалилась и вторая часть крыши.

«Вовремя я смылся», – подумал он и бросился к фасаду горящего дома.

Со стороны дороги нарисовался какой-то силуэт. Выстрелов капитан не слышал, только увидел фонтаны от пуль рядом с собой. Он дал ответную очередь по направлению, не целясь. Боевик замолчал. То ли капитан задел его, то ли тот укрылся от греха подальше.

Порыв ветра бросил клубы дыма к проему ворот. Весьма кстати. Теперь капитан не был виден с дороги. Дышать тяжело, но это ерунда, главное – вытащить Игнатьева.

Он вскочил в оконный проем и увидел командира, лежавшего под массивной балкой. Капитан спрыгнул на небольшой пяточок справа от Игнатьева, забросил автомат за спину, схватился за балку и поднял ее. Потом, в обычных условиях, он несколько раз пытался сделать подобное с балкой меньших размеров, но даже не мог оторвать ее от земли, а сейчас поднял!

– Вылезай, Рома!

– Не могу, нога...

– Хрен с ней. Вылезай, иначе сгорим оба.

Превозмогая боль, майор из последних сил выбрался на пяточок.

Колтунов бросил балку. После деревянной махины тело командира показалось ему пушинкой. Он перевалил Игнатьева за окно, выпрыгнул следом, подхватил майора под мышки, протащил за дом.

На выходе в сад капитан крикнул:

– Парни! Тут свои! Сом, ко мне!

– Где вы?

Ветер менял направление, и участок заволокло дымом.

– На углу, ближнем к позиции. Давай живее, Сом!

Самойский появился внезапно, вынырнул из дыма как черт из табакерки.

– Я, товарищ капитан!

– Помоги.

Вдвоем они перенесли майора к последнему рубежу. Потом четверо бойцов заняли круговую оборону. В данной ситуации они могли увидеть врага только на расстоянии в несколько метров. Но и у боевиков была та же проблема.

Где-то рядом пророкотал вертолет. Главарь банды понял, что к разведчикам подошло подкрепление. Но он не мог оставить в покое эту чертову группу, которую, несмотря на ее малочисленность, так и не смог уничтожить. Айбас орал на подчиненных, заставлял их идти в сад.

Духи открыли слепой огонь, били куда попало. Их главарь что-то рывкнул, и после недолгой паузы в саду загрохотали взрывы. Боевики бросали гранаты. Одна из них взорвалась метрах в пяти от позиции спецназовцев.

На этот раз везение отвернулось от Колтунова. Осколок попал ему в голень, перебил ее. Боль пронзила ногу, но капитан удержался, не крикнул, не выдал позицию.

Он быстро раскрыл аптечку и вколол в бедро промедол. Боль ушла, но нога не слушалась. Колтунов припал к автомату.

Взрывы все еще продолжали греметь. Айбас совершил роковую ошибку. Мало того что его боевики израсходовали почти весь боезапас. В этой ситуации они потеряли главное – время.

Главарь сообразил, что надо уходить. В центре аула стояли внедорожник и грузовая машина. Именно на них бандиты приехали сюда.

Но на дороге боевиков встретили бойцы штурмовой группы капитана Савельева. На то, чтобы распотрошить банду и захватить транспорт, им понадобилось не более пяти минут. После яростной массовой стрельбы и взрывов гранат наступила тишина, прерываемая лишь треском и гулом пожара.

Колтунов уткнулся в холодную землю жарким, потным лбом. Выжили! Наступило ослабление, голову заполнила какая-то пустота, но ненадолго.

Вскоре от дома донесся голос Савельева, хорошо знакомый капитану:

– Старый, Колдун!.. Парни! Есть кто живой?

Синицын крикнул сорвавшимся голосом:

– Есть, товарищ капитан. Тут мы, в саду у забора.

– Продолжай подавать голос! – приказал Савельев. – Мы идем на него. Чертов дым!

– Тут мы! Тут! – кричал Синицын.

Колтунов взглянул на него и заявил:

– Да не ори ты так, Птаха! Уши закладывает.

– Это у вас контузия, товарищ капитан. Тут мы!

Из дыма вышли капитан Савельев и двое его бойцов.

– Вижу! Отставить голос.

Самойский вдруг заплакал, даже зарыдал.

– Сом, прекрати! – крикнул Колтунов.

– Это нервное, Юра. – Капитан Савельев присел перед ним на корточки. – Сам-то как?

– Хреново, Коля. Напоследок я все-таки получил осколок в ногу.

– Главное, не в голову. Нога пройдет. А где Игнатьев?

– Я здесь, капитан, – отозвался командир группы.

– Тоже ранен?

– Травмирован.

– Балкой его немного помяло, – объяснил Колтунов.

– Позвоночник цел?

– Цел, – ответил Игнатьев. – Ногу повредило. Получается, что у нас троих проблемы с ногами.

– Разберемся!

– Что с духами?

Савельев усмехнулся.

– А что с ними может быть? Отправились к праотцам. Что заслужили, то и получили. Но Айбаса все же удалось взять живым. Застрелиться хотел, сучонок, да снайпер мой выбил ствол.

– Отличная работа.

– Не спорю. У вас серьезные потери?

– Убитых четверо. А раненых?.. Да все остальные, кроме связиста и вот того хлюпика, который никак не успокоится. – Колтунов имел в виду Самойского, который все еще рыдал.

Бойцу Савельева пришлось колоть ему успокоительное.

– Как же вы в засаду попали, Юра?

– А как в нее попадают? Совершали марш, дошли до аула, а тут духи со всех сторон. Нас здесь ждали, Коля.

– Значит, кто-то слил группу, да?

– А иначе как Айбас узнал бы о нас?

– С этим разберутся. Но ладно, здесь, как говорится, хорошо, но дома лучше. – Командир штурмовой группы извлек из чехла портативную радиостанцию, связался с командиром экипажа «Ми-8» и сказал: – Паша, Подгоняй машину прямо к аулу. У нас «двухсотые» и «трехсотые», один пленный. До тебя нам самим добираться будет несподручно.

– А сесть там есть где?

– Есть! Пустырь рядом с местом боя. Он, правда, затянут дымом. Надо будет, обозначим площадку светом.

– Понял, следую к аулу, на пустырь.

– Давай! – Командир штурмовой группы взглянул на разведчиков. – Сейчас такси подойдет. Давайте, парни, кто может, поднимайтесь. – Он обернулся к своему бойцу и приказал: – Исаев, бери шестерых наших! Надо быстренько сообразить носилки из подручного материала.

– Сколько, товарищ капитан?

– А ты не видишь, да? И учти, нам не только раненых выносить.

– Понял.

– Выполняй!

Сержант ушел в дым, который к этому времени заметно рассеялся. Ветер изменил направление и усилился.

Ликвидаторы штурмовой группы обходили территорию, на которой шел бой, осматривали тела боевиков. Грязную работу им делать не пришлось. Раненых среди бандитов не оказалось.

Из-за рощи поднялся «Ми-8», сделал круг над аулом, приземлился на пустыре. Бойцы понесли к нему раненых и убитых. Главара банды привел заместитель Савельева, капитан Иванов.

Колтунов крикнул ему с носилок:

– Что, ублюдок, взял спецназ?

Айбас спокойно ответил ему на чистом русском языке:

– Не взял. Другие возьмут. Нас, капитан, много. Мы разнесем вашу проклятую Россию на куски. Так будет! – Он поднял голову к небу, но получил приличный удар по затылку и упал в пыль.

Два рослых бойца Савельева запихнули его на борт.

Командир штурмовой группы приказал им:

– Смотрите за ним!

– Так куда ж он денется с вертушки-то, товарищ капитан?

– Он-то не денется, да парни Игнатьева очень злы на него. Могут прибить. Так что на вас охрана этого ублюдка.

– Понял. Хотя я сам с удовольствием удавил бы его.

– Ты, Вова, и дальше базарить собираешься или все же делом займешься?

– Уже занимаюсь, товарищ капитан.

Со стороны аула показались несколько мужчин преклонного возраста.

– Только их нам здесь не хватало! – проговорил Савельев.

– Этого следовало ожидать, – сказал Игнатьев. – Будут просить не зачищать селение и клясться, что до этого дня тут никогда не было боевиков. Мол, никто из жителей аула не воюет против законной власти. Знакомая песня.

Савельев отправился навстречу делегации. Долго они не говорили. Вскоре капитан вернулся к вертолету, а старики побрели обратно в аул.

– Чего они хотели? – спросил Колтунов.

– Того самого, о чем говорил твой командир. Еще сказали, что хотят до захода солнца похоронить погибших духов. Тут я возражать не стал.

– Они ничего не знали о банде?

– Естественно, нет. Вроде какой-то пацан заметил чужих недалеко от аула, рассказал о них отцу. Да тот не придавал этому никакого значения. Но местные хорошо видели, как к аулу подходила ваша группа.

– Само собой. Мы шли открыто. Вопрос, какая сволочь слила нас духам? Командование отряда исключено, значит, крыса из штаба дивизии.

– Особисты наверняка уже роют землю. Если им не помешают, они наверняка найдут крысу.

– Вот именно, Коля, если не помешают.

– Хорош базарить. Раненых и убитых загрузили, пора и нам на борт да на базу, – сказал майор.

– Согласен.

Савельев подозвал четверых бойцов. Те внесли носилки с Игнатьевым и Колтуновым на борт. Последним, по привычке осматривая местность и дом, сгоревший уже практически до основания, на борт забрался командир штурмовой группы. Борттехник поднял трап, закрыл дверь.

Взревели двигатели. Несущий винт поднял облако пыли. «Ми-8» оторвался от грунта и начал медленно набирать высоту. Вскоре он уже плыл над равниной в сторону станицы Веселой, где базировался отдельный отряд специального назначения, временно приданный мотострелковой дивизии.

Вертушку встречали командир подразделения спецназа подполковник Ганевский и начальник особого отдела соединения. Там же стояли с десяток врачей и среднего медицинского персонала дивизионного медсанбата, санитарный автобус, грузовик для тел погибших.

Первым, от греха подальше, по приказу Савельева из вертолета вывели Айбаса. Его тут же забрал особист. Савельев доложил Ганевскому о выполнении задачи по разблокированию разведчиков в ауле Арди и уничтожению банды наемников.

С вертушки спустили раненых, вынесли тела погибших и погрузили в «Урал». Носилки с Игнатьевым и Колтуновым солдаты установили в одну санитарную машину.

К офицерам-разведчикам подошел командир отряда и проговорил:

– Что, парни, попали в переplet?

– А благодаря кому, Александр Сергеевич? – со злостью произнес Колтунов. – Наша задача держалась в секрете. О ней ничего не знали даже командиры других групп. Планировался же рейд совместно со штабом дивизии. Вот там и надо искать ту сволоту, которая продала нас. Из-за этого гада у меня четверо погибли. Мы все легли бы, если бы радисту не удалось связаться с вами. Мы держались, сколько могли.

– Да разве я виню вас, ребята? Напротив, хочу выразить благодарность за самоотверженность, героические действия в условиях полного окружения противником, многократно превышающим вас по численности и боевым возможностям. Все без исключения будут представлены к высоким правительственным наградам. А крысу подполковник Суворов вычислит. У Андрея на предателей нюх особый. Подонок ответит за все.

Игнатьев был в хороших личных отношениях с командиром отряда. Они когда-то вместе заканчивали десантное училище.

– У меня вопрос, Саша! – сказал майор.

– Спрашивай. Смогу, отвечу!

– Откуда в нашем районе оказалась банда арабов Айбаса? Это первый вопрос. Второй: почему наша разведка не имела никакой информации о ней. Третий: почему наш радист так долго не мог связаться со штабом отряда?

– Это все?

– Пока да.

– На первый и второй вопрос, Рома, у меня ответов нет. Я не знаю, откуда появился Айбас со своими головорезами. Хорошо, что его взяли живым. Надеюсь, он скажет, каким образом оказался у Арди с очевидной задачей уничтожения вашей разведгруппы. Думаю, Айбас прояснит и ситуацию по разведданным. Начальник особого отдела расколется как орех. По третьему же вопросу скажу вот что. В том, что вам долго не удавалось обратиться за помощью, виновата связистка отряда. Она потеряла сознание во время дежурства.

– С чего это вдруг? – с удивлением спросил Игнатъев. – Да еще и на целый час?!

– Зоя, парни, оказывается, беременная. Во время дежурства ей стало плохо. Надо было смену запросить, но она понадеялась, что справится. Скорее всего, стыдно стало. Ведь Зоя узнала о беременности за сутки до дежурства и была шокирована.

– Шокирована? Зоя не девочка, чтобы не знать, что можно зачать, если спишь с мужиком.

– Согласен. Но поймите и ее. Майор, который был прикомандирован в отряд, ее хороший знакомый еще с детства. Они росли в одном городе, учились в одной школе. Зоя даже призналась, что была влюблена в него. А майор оказался подлецом, развел женщину. Навешал нашей связистке лапшу на уши. Мол, холост, только ее хочет. Ну и отдалась ему Зоя, не думая о последствиях. Но суть не в этом. Не вызвав сменщицу, связистка переоценила свои возможности. В результате опростоволосилась. Врач говорит, так бывает. Только начальник связи, случайно зашедший на узел, обнаружил женщину в таком состоянии и ответил на вызов. Слава богу, вовремя. Я, конечно, понимаю, что обязан подать рапорт о привлечении Зои к ответственности. Но кому будет легче от того, что трибунал определит в особую зону лет этак на пять молодую женщину, гнусно обманутую и, в общем-то, хорошую? Впрочем, если вы будете настаивать, я рапорт подам. Так что это на ваше усмотрение.

– Да ладно, – заявил Игнатъев. – Погибших не вернешь, майора, который обманул Зою, к ответственности не привлечешь. Будем считать, что помехи не позволили нам вовремя связаться с отрядом. Ты как, Юра?

– Так же, как и ты. Не будем портить женщине жизнь.

– Ну и договорились. Сейчас давайте в медсанбат, подлечитесь как следует, отдохнете. Возможно, я отпуск для вас выбью. А мы тут введем в строй резервную группу.

– Откуда она взялась? – спросил Колтунов.

– Пока еще не взялась. Резерв готовят в учебном центре. На выходе уже есть два подразделения. Съезжу, отберу парней. Как вернетесь, получите новую полноценную группу. Естественно, с незаменимыми Рябовым, Сеницыным, Беляевым и Самойским. Если они, конечно, захотят продлить контракты, срок действия которых истекает через месяц. Но без разведгруппы мы не останемся в любом случае. Извините, у меня еще куча дел. Спасибо вам, парни, за службу. Лечитесь как следует. Будет время, обязательно заскочу в медсанбат.

– Давай, Саша.

– До свидания, товарищ подполковник.

Игнатъев и Колтунов пожали руку командиру, и санитарный «УАЗ», именуемый в войсках «таблеткой», пошел в сторону областного центра.

Но вернуться в строй ни Игнатъеву, ни Колтунову, ни бойцам разведгруппы, выжившим в смертельной схватке с наемниками Айбаса, не было суждено. Пока они проходили курс лечения, отряд неожиданно был расформирован. Причин не объяснял никто. Просто пришел приказ о расформировании, да и все.

Подполковника Ганевского перевели в штаб антитеррористической службы, других офицеров просто уволили по сокращению штатов. Так что из медсанбата наши герои вышли прямо на гражданку. Правда, они получили все льготы и вполне достойное пенсионное обеспечение.

Кто-то в высоком штабе не захотел утруждать себя мыслями о судьбе офицеров, не подумал, что ломает им жизнь. Одним росчерком пера он выбросил из рядов спецназа тех, кого посчитал лишним. Самых лучших. К сожалению, это не редкость. Так было раньше, ничего не изменилось и сейчас.

Глава 2

Восемнадцать лет спустя

Воскресенье, 13 июля

Юрий Колтунов припарковал «Форд» напротив своего подъезда, вытер пот с лица. В машине работал кондиционер, но все же было жарко. Да и немудрено, на улице за тридцать. Уже вторую неделю Москву давил зной.

В некоторых районах области начались лесные пожары. Синоптики обещали снижение температуры и дожди уже с понедельника, но они говорили так и раньше. Погода подчинялась только своим законам, очень плохо изученным человечеством.

Ольга, супруга Юрия, облегченно вздохнула и сказала:

– Наконец-то мы дома.

Глава семьи обернулся. Его двенадцатилетний сын Валерий спал на заднем сиденье. Мальчишка слишком много энергии потратил на аттракционах, да и укачало его немного, сморило.

– Валера! – позвал он сына.

Тот очнулся.

– Приехали?

– Да. Забирай свою сумку и вали на выход.

– Ага. – Паренек сладко потянулся и сказал: – Жарко. Искупаться бы куда-нибудь съездить, а, папа?

Колтунов извлек ключ из замка зажигания.

– На сегодня отъездились. В следующий раз отправимся на озеро.

Юрий, Ольга и Валера по пути домой заезжали в гипермаркет и закупили продукты на неделю вперед. Они забрали сумки, пакеты, прошли в подъезд и поднялись на восьмой этаж двенадцатизэтажного дома постройки семидесятых годов прошлого столетия. Трехкомнатная квартира встретила их прохладой. В отличие от машины, домашние кондиционеры держали температуру в двадцать три градуса.

Ольга оставила пакеты на кухне и заявила:

– Я первая в ванную. Что мне сейчас больше всего не хватает, так это контрастного душа.

– Я тоже хочу в душ, – сказал Валерий.

– После мамы! – расставил все по своим местам Колтунов.

Восемнадцать лет прошло с того момента, когда его уволили из спецслужбы. Сначала ему казалось, что мир рухнул. Он и гражданка? Это два совершенно несовместимых понятия.

К тому же Юрий тогда не понимал, почему его, майора Игнатьева, еще ряд офицеров отдельного отряда специального назначения, успешно выполнявшего сложные задачи по борьбе с террористами всяких мастей, родное государство просто вышвырнуло на улицу. Это после того, как за бой у Арди и он, и Игнатьев были награждены вторыми орденами Мужества.

Непонимание переросло в обиду, злость, разочарование, безысходность. Он вернулся в Москву, где жил до поступления в военное училище. Собственную квартиру капитану не дали. Без него много людей с большими звездами на погонах, претендующих на жилье в столице.

Сын поселился у матери. Отца он не помнил, тот давным-давно ушел из семьи, оставив в память о себе лишь отчество и фамилию. О тяжелой болезни матери Юрий ничего не знал. Когда спустя месяц после его возвращения она неожиданно умерла, боевой капитан был в шоке. Только на поминках он узнал, что единственный его родной человек был обречен.

Юрий остался один в незнакомом, чужом мире и запил. Он больше месяца проматывал деньги, лежавшие на книжке. Возможно, так и сгорел бы, если бы не Игнатьев.

Роман был женат, еще когда служил в спецназе. Он обосновался недалеко от Москвы, в Калининске, совсем небольшом городе, если сравнивать со столицей. Отставной майор как-то умудрился открыть собственное дело – автосервис, шиномонтаж и мойку. То есть Игнатьев адаптировался к новой жизни быстро и практически безболезненно, во всяком случае, внешне. Встал, как говорится, на ноги.

Супруга Игнатьева Мария работала учительницей начальных классов. Отставному майору, в отличие от капитана, государство выделило однокомнатную квартиру в двухэтажном старом доме. Впрочем, в ней они прожили недолго, потом построили на окраине города собственный дом.

Игнатьев узнал о проблемах своего заместителя и боевого друга от Жоры Синицына, того самого Птахи, который был связистом в его разведывательной группе. Птаха проживал недалеко от Игнатьева, в поселке Ершово. Он работал охранником на местном кирпичном заводе.

Синицын знал адрес Колтунова, как-то заехал к нему и ужаснулся. Дверь открыта. Повсюду пустые бутылки. Бывший капитан в помятой одежде валяется без задних ног. Вся квартира наполнена противным кислым запахом.

Сам Георгий спешил на вокзал, собрался проводить родственников на Украине. Он позвонил Игнатьеву и обрисовал обстановку.

Вечером командир уже приводил бывшего заместителя в порядок, используя проверенный метод – водные процедуры. Затем он забрал Юрия к себе в Калининск.

Тогда тоже стояло лето. Они провели неделю на берегу лесного озера, без намека на спиртное. Долгие разговоры вечерами, рыбалка, купание в чистой, темноватой торфяной воде сделали свое дело. Колтунов вернулся в Москву другим человеком. Он навел порядок в квартире, устроился на работу, стал начальником охраны строительной компании.

А вскоре Юрий встретил и свою любовь. Случайно, у соседнего дома. Молодая симпатичная женщина едва несла огромные сумки из ближайшего магазина. Колтунов предложил помощь, женщина не отказалась.

Ольга работала врачом-терапевтом в местной поликлинике и жила с родителями. Год ухаживаний закончился скромной свадьбой. Ольга Владимировна Колтунова переехала к мужу.

Через год у них родился сын Валерий. Они жили счастливо. Конечно, без проблем не обошлось. Сын вырос, и это неминуемо вело к их возникновению. Но они решались спокойно, по-семейному.

Отец для Валерия был непререкаемым авторитетом. Еще бы!.. Офицер спецназа, кавалер двух орденов Мужества, ордена «За военные заслуги», четырех боевых медалей. Валерий старался подражать отцу, и ничего странного в этом не было. Ольга относилась к данному факту мудро, спокойно. В общем, все у них было в порядке.

Ольга ушла в ванную.

Сын выглянул в окно на кухне, обернулся.

– Папа, можно мне на улицу?

– Ты же душ принять хотел.

– Успею. Ленка с Витькой вышли во двор.

Это были школьные товарищи сына.

– Пообедаешь, пойдешь!

– Но, папа, ребята уйдут куда-нибудь. Где я их найду?

– Тебе сотовый телефон для чего купили? Позвони друзьям, чтобы подождали. Или у них нет мобильных?

- Есть.
- Так в чем дело? Если они действительно твои друзья, то подождут.
- А если собрались в кино? Со вчерашнего дня новый фильм пошел.
- Так, Валера, прекратил ныть! Ты мужчина или девчонка капризная?
- Мужчина.
- Тогда и веди себя подобающим образом.

Сын вздохнул, но послушался. Иначе и быть не могло. Мальчишка позвонил товарищам, те обещали подождать его.

Потом Валера спросил отца:

- А когда будем обедать?
  - Это вопрос к маме. Но однозначно после того, как ты примешь душ и переоденешься.
- Валера прошел в коридор.
- Мама, ты скоро?
  - Скоро! – ответила Ольга.

Юрий вышел на балкон, прикурил сигарету. В квартире он не дымил, только здесь, на балконе, да и то редко. Пачки ему хватало на три дня.

А вот бросить он не смог, как ни пытался, ни настраивал себя. Не потому, что не хватало силы воли, тянуло невыносимо. Нет, просто Юрий забывал о том, что решил не курить. Он ловил себя на мысли об этом, когда машинально прикуривал сигарету, потом оставил все попытки.

Не успел Колтунов сделать затяжку, как его сотовый ожил.

«Интересно, кто это? – подумал Юрий и взглянул на дисплей. – Игнатьев! Хочет пригласить на очередную рыбалку?»

Теперь они изредка общались семьями.

- Приветствую тебя, командир!
- Здравствуй, Юра.

Голос друга был необычным, мрачным, словно его внезапно пронзила боль.

- Что-то случилось, Рома?
- Случилось. Макс умер, завтра похороны. Приехать сможешь?

От этой страшной новости Колтунов окаменел. Сын Игнатьева, девятнадцатилетний студент технического университета, крепкий, жизнерадостный парнишка, и умер? Это просто не укладывалось в голове отставного капитана.

- Как умер, Рома?
- Приезжай, узнаешь!
- Могу выехать прямо сейчас. С Ольгой и Валеркой. Впрочем, сына оставляю теще.
- Нет. Завтра и один! Отпевание в храме старого кладбища, что в центре города. Начало в одиннадцать. Туда и подъезжай.
- Буду, Рома, но...

Игнатьев отключил телефон, не дослушав друга.

Колтунов затушил окурок и проговорил:

- Вот так новость! Макс, и вдруг мертв? Бред какой-то.

В зал вошла Ольга, в халатике, с полотенцем-чалмой на голове. Она увидела мужа и сразу поняла, что у него почему-то резко изменилось настроение.

- Ты в порядке, Юра?
- У Ромы сын умер!
- Что?.. – Ольга от изумления приоткрыла рот. – Как это умер?
- Как люди умирают? Был парень, теперь нет его.
- Но он же вроде не болел. Несчастный случай?..
- Не знаю. Звонил Роман, завтра похороны, просил подъехать.

- Конечно, я с тобой. На работе отпрошусь, за Валеркой мама присмотрит.
- Нет, Оля. Игнатьев просил, чтобы я приехал один.
- Почему?
- Не знаю.
- Я позвоню Маше.

Колтунов взглянул на жену.

– Ты представляешь, в каком она сейчас состоянии? В общем, я поеду один, все узнаю, вернусь и расскажу. Потом ты пообщаешься с женой Ромы.

- Господи, такой парень, спортсмен, умница!.. Что с ним могло произойти?
- Нет смысла гадать, Оля. Завтра все узнаю. Но это не несчастный случай.
- Почему ты так думаешь?
- Рома сказал бы об этом.
- Но он хоть что-нибудь объяснил?
- Нет. Я предложил приехать сегодня, он сказал – завтра.
- А может, Максима убили? – прошептала Ольга.

Колтунов подумал и ответил:

- А вот это, по-моему, ближе к истине. Но гадать смысла нет.
- Ты с работой как решать будешь?
- Я же в отпуске с завтрашнего дня.
- Извини, забыла. От такой новости все мысли сбились.

Из коридора донесся голос сына:

- Мама, папа, я помылся. Когда есть будем?
- Корми сына, – сказал Колтунов жене.
- Разве мы не вместе пообедаем?
- Его друзья ждут. Мы с тобой позже.
- Ты отпускаешь его?
- Почему нет?
- Просто спросила.
- Пусть идет, если ты не имеешь ничего против.
- А кто его ждет?
- Одноклассники. На дворе у турника стоят.
- Леня и Витя. Хорошие ребята.

Утром в понедельник, 14 июля, Колтунов выехал из Москвы. До Калининска было чуть более двухсот верст, которые Юрий преодолел за три часа. В половине одиннадцатого он подъехал к стоянке, расположенной у входа на старое кладбище, и удивился, как много было здесь машин и людей возле них, в основном молодежи. Наверное, однокурсники и бывшие одноклассники Максима.

Он был лидером в любой компании, подавал надежды и в спорте, и в учебе. Мастер спорта по плаванию, отличник, победитель всяких олимпиад. Родители гордились своим сыном. И вот на тебе!..

Колтунов отогнал «Форд» в ближайший переулок и припарковался там, чтобы не мешать другим. Он вернулся к кладбищу, прошел к храму, стоявшему в центре. Там тоже было много людей, но ни Ромы, ни Маши Юрий не видел. Остальных он не знал.

Отставной капитан посмотрел на часы и решил пройтись по кладбищу, чтобы как-то убить время.

Не успел он выйти на аллею, как услышал сзади:

– Юрий Павлович!

Колтунов обернулся.

К нему подошел Сеницын.

– Здравствуй, товарищ капитан!

– Привет. Значит, командир и тебе позвонил?

– Да, вчера вечером. Словно обухом по голове вцепил. Я же хорошо знал Максима. Прошлым летом он с подружкой приезжал ко мне. Я их в деревню отвез, неделю там отдыхали.

– С подружкой?

– Ну да, с Леной, фамилии не знаю. Они учились на одном факультете. Черт, поверить не могу, что Макса больше нет. А что с ним произошло, вы не в курсе?

– Игнатьев не сказал?

– Нет. Мол, приезжай, если сможешь, причем один. А мне и не с кем. Я же детдомовский. Семей не обзавелся. Рано еще. Хорошо, хата есть.

– Вот и меня он попросил без жены приехать, хотя Ольга и Мария в хороших отношениях. Почему?..

Бывший связист разведгруппы пожал плечами.

– Не знаю, Юрий Павлович. Может, он хочет сказать нам что-то такое, чего не должны знать даже близкие?

Колтунов внимательно посмотрел на Сеницына.

– Да, похоже на то.

– А вон и автобус похоронной конторы подъехал.

– Идем!

Из автобуса первым вышел Игнатьев, увидел друзей, шагнул к ним, пожал руки.

– Вот, мужики, какая беда у меня.

– Что сказать, командир? – проговорил Сеницын. – Примите соболезнования.

– Спасибо. Вы в храм проходите. Я Маше помогу.

– Она плоха? – спросил Колтунов.

– Не то слово, Юра. Сам увидишь. Все, я пошел. – Игнатьев вернулся к автобусу.

Четверо крепких молодых парней вытащили из автобуса дорогой гроб и понесли его в храм. Потом Роман под руку вывел на воздух жену.

Ее было не узнать. Маша, жизнерадостная и веселая красавица, постарела лет на десять. Ее безграничную скорбь не скрывала даже довольно плотная черная вуаль.

Колтунов вздохнул.

– Плоха Маша. Интересно, есть здесь врач? По-моему, ей нужна помощь.

– Наверное, есть.

Колтунов и Сеницын прошли в храм. Парни из ритуальной службы установили гроб на два табурета, но крышку почему-то не сняли. Наверное, на то были веские основания.

Церковь постепенно заполнилась людьми. Священник начал читать молитву. Уже через пять минут в храме стало нечем дышать.

Колтунов смотрел на Марию. Она была неестественно бледна, застыла и глядела на гроб. Игнатьев поддерживал ее.

Колтунов шепнул Сеницыну:

– Ты как хочешь, а я на улицу. Не могу оставаться здесь.

– Я с вами.

– Давай, только тихо, не привлекая внимания.

Бывшие сослуживцы вышли из храма. Жара на улице после церкви показалась им освежающей прохладой. Юрий расстегнул ворот рубахи, достал пачку сигарет, выбил одну, прикурил.

Какая-то старушка недовольно проговорила:

– Отошел бы в сторону, к урне. Для кого ее поставили? Собирай после вас окурки!..

Колтунов и Сеницын, не пререкаясь, отошли к урне, стоявшей рядом с биотуалетом.

– Терпеть не могу похороны, – сказал Колтунов.

– А кто может? Но надо. А почему гроб-то закрыт?

– Не знаю, а спрашивать сейчас нельзя. Роман потом сам скажет. Представляю, каково сейчас ему и Маше. Особенно ей. У нее в лице ни кровинки. Выпить бы, да где взять?

– У меня пузырь есть в тачке, Юрий Павлович, да только вы за рулем. На поминках выпьем.

– Конечно. А народу-то сколько собралось, заметил?

– В этом нет ничего странного. Тут друзья по школе, университету и по спорту.

Из храма начали выходить люди.

– Закончилось, что ли? – проговорил Колтунов.

– Похоже.

– Пойдем ближе к автобусу.

Колтунов и Сеницын подошли к Игнатьеву, который передал жену каким-то женщинам, у одной из которых при себе была аптечка.

– Не могу, парни, душу рвет. – Игнатьев распахнул пиджак. – Дышать нечем.

– Может, Марии Львовне не надо идти на кладбище? – сказал Сеницын.

– Сам-то подумал, что ляпнул? – заявил бывший майор. – Мать не предаст сына земле?..

– Она еле передвигается, Рома, – поддержал солдата Колтунов. – У могилы может произойти все, что угодно.

– Пойди и предложи Маше поехать домой.

– Не домой, Рома. Ей в больницу надо.

– Даже и думать об этом нечего. С женой врачи и медсестра. Если что, окажут необходимую помощь. Тачек валом, чтобы быстро в больницу отвезти. – Игнатьев поднял голову к небу. – За что Бог так наказал меня? Взял бы мою жизнь! Зачем сына отнял?..

– Успокойся, командир. – Колтунов обнял друга. – Надо держаться.

– Надо! Хотя бы для того, чтобы... – Он осекся. – Но об этом позже. Значит, программа такая. Сейчас на кладбище, там прощание, священник предаст земле, могила, венки, цветы. Затем все в кафе, это недалеко от дома. Долго сидеть там не будем, да и Маша не сможет. Помянем, пойдем ко мне. Вы, как я понимаю, на машинах?

– Да, – одновременно ответили Колтунов и Сеницын.

– Перед тем как идти в кафе, заедете прямо ко мне во двор. Я все покажу. Как вернемся, подберем место, поговорим.

Колтунов кивнул.

– Добро!

– Все, я к жене и в автобус. Вы на кладбище.

– А где цветов-то можно купить? – спросил Колтунов. – Я думал венок взять, но на выезде, где раньше этого добра валом было, сейчас поставили забегаловку.

– Я взял цветы и венок, Юрий Павлович, – сказал Сеницын. – Поделюсь.

– Ладно. Давай, Рома, ступай, зовут.

Церемония на кладбище затянулась часа на два. Очень много было людей, желающих проститься с Максимом. В основном парней и девушек.

Мария держалась стойко, хотя было заметно, каких усилий ей это дается. Ее не пришлось оттаскивать, как это нередко бывает.

Только в момент, когда работники ритуальной службы опускали гроб в могилу, она потеряла сознание и едва не упала в яму. Мужчины, стоявшие рядом, поддержали ее, а докторша с медсестрой тут же начали оказывать помощь. Маша пришла в себя, когда уже был насыпан могильный холмик и поставлен крест.

Игнатьев расплатился с похоронной командой, усадил Марию в свою «Тойоту».

К месту захоронения подъехал черный «Шевроле».

Из него вышел майор полиции, подошел к Роману и сказал:

– Извини, старик, не смог в храм приехать, да и сюда опоздал. Начальник задержал.

– Ничего, Костя, бывает.

Майор положил цветы поверх венков, вернулся к Игнатьеву.

Тот спросил:

– Узнал что-нибудь?

– Только начал работу, загрузил кого надо. Пока информации нет. Как будет, немедленно сообщу.

– Хорошо. В кафе на поминки поедешь?

– Ненадолго, Рома. Сам понимаешь, служба.

– Понимаю. Езжай тогда за всеми.

– Да знаю я, где это кафе.

– Ну да, конечно. – Полицейский скрылся в толпе.

– Кто это? – спросил Колтунов.

– Костя Ларионов, заместитель начальника городского отдела внутренних дел. Мы с ним в дружеских отношениях.

– Что за информацию, если не секрет, он должен тебе сообщить?

– Не секрет, Юра, но об этом, как я уже сказал, позже.

– Хорошо.

В кафе едва уместились все желающие помянуть Максима. Игнатьев с супругой пробыли там недолго. Они выпили по три крохотных рюмки и ушли под понимающими взглядами молодых людей.

Следом за ними направились к дому и Колтунов с Сеницыным. Они оставались во дворе, пока Игнатьев с врачом и медсестрой провели Марию в спальню, расположенную на втором этаже, и успели выкурить по сигарете.

Вышел Роман.

– Пойдемте в дом.

Игнатьев провел друзей в небольшой кабинет, указал на диван, кресла.

– Устраивайтесь, здесь поговорим. Тут нас никто не услышит.

– У тебя есть что скрывать от жены? – спросил Колтунов.

– Ты предпочел бы, чтобы мы говорили при ней и медперсонале?

– Нет.

– Вот и я не хочу этого. Ситуация, ребята, такая. Максим умер от передозировки наркотиков.

– Что? – удивленно воскликнул Колтунов. – Максим и наркота?

– Да. Это заключение экспертизы. Но давайте по порядку. Вы знаете, он успешно учился в университете, занимался спортом, у него была... – черт, какое страшное слово «была»! – подруга, можно сказать, невеста. До февраля этого года все шло хорошо. Максим часто приезжал, звонил матери почти каждый день, сессию сдал на «отлично». Они с Леной – это его девушка – отдохнули у нас и у Жоры, потом уехали. Ничто не предвещало беды. У меня даже тревожного чувства не возникло, как это бывало на войне, когда вроде все спокойно, а интуиция подсказывает, нет, что-то не так. Где-то в конце марта, дату сейчас точно не помню, вечером, когда мы с Машей смотрели телевизор, ее сотовый зазвонил. Мы подумали, Максим. Но это была Лена. Ее слова нас буквально ошарашили. Лена сказала, что Макс бросил университет, спорт, разругался с ней и уехал. Я взял у жены телефон и спросил, куда именно. Лена ответила, что не знает. Но с того дня она его больше не видела. Макс, по ее мнению, подсел на наркоту. Тут меня словно обухом по голове хватило. Уж чего не ожидал, так вот этого! Я сказал, что сам приеду, и утром отправился в Москву. Лена встретила меня у общежития. С ней были трое парней, друзья Максима. Из разговора с ними я узнал, что после каникул,

в феврале, к нему стали подкатывать какие-то мутные личности на серебристой «десятке». Он уезжал с ними и возвращался как будто не пьяный, но и не трезвый. Приносил в комнату сумку, содержимое которой никому не показывал. Потом поругался с Леной, заявил, что они расстаются, перестал посещать бассейн, забросил учебу.

– Извини, Рома, машина была московской?

– В том-то и дело, что нет. Номера ее никто не заметил, а вот обозначение региона один из парней увидел мельком. Наша!

– То есть к Максу приезжали мутные парни из Калининска?

– Выходит так!

– Извини, продолжай.

Игнатъев поднялся с кресла, достал пачку сигарет, закурил, предложил друзьям. Колтунов присоединился к нему. Синицын отказался, мол, не могу дымить в помещении, привык на улице.

– Я был в растерянности, – продолжал Игнатъев. – Что делать? С Леной сходил в университет. Какой-то ученый муж подтвердил, что Макс уже месяц там не бывает. В деканате мы узнали, что он оставил заявление об отчислении по семейным обстоятельствам. Я созвонился с Костей, это тот майор, который приезжал на кладбище. Он посоветовал подать заявление о пропаже сына в ближайшее отделение полиции и возвращаться. Я так и сделал. Заявление приняли без проблем. Какой-то капитан взял у меня визитку, дал мне свою и обещал позвонить, если Макс обнаружится. В общем, вернулся я домой ни с чем. Но Маше о наркоте и о том, что сын пропал, говорить не стал. Сказал, что Макс связался с какой-то женщиной, бросил Лену, одним словом, загулял по молодости. Перегорит и вернется. Врал, нес то, что в голову приходило. Маша поверила. Розыск здесь, в Калининске, начал и Костя Ларионов. Время шло, а никаких результатов не было. Максим исчез в полном смысле этого слова. Его не видели ни в Москве, ни в Калининске. Только неделю назад позвонил Ларионов и сказал, что Макса нашли мертвым в брошенной старой хате. Деревня Горькая...

– Так это в десяти километрах от моего поселка! – воскликнул Синицын.

– Да. Ничего не говоря жене, я выехал вместе с Костей в морг. Туда привезли тело. Я с трудом узнал сына, хотя он сильно изменился. Экспертиза установила, что Костя умер от передозировки наркотиков примерно в начале июня...

– И месяц с лишним пролежал в деревенском доме?

– Выходит так!

– Так вот почему гроб был закрыт. Но как Макс оказался в Горькой, выяснили? – спросил Колтунов.

Игнатъев сел на место.

– А вот тут, парни, начинается самое интересное. Из показаний одного из жителей Горькой следует, что в деревню несколько раз приезжала серебристая «десятка».

– Та же самая, которая появлялась в Москве? – спросил Синицын.

– Не факт, но, скорее всего, она. В этой «десятке» было три-четыре человека. Они не шумели, по улицам не шастали. Сидели в доме, а что делали, остается только догадываться. Ларионов считает, что там хранились небольшие партии героина. Правда, данная версия доказательств пока не имеет. В последний раз эта серебристая «десятка» появилась в деревне как раз примерно тогда, когда умер Макс. Выходит, что он там принял дозу и скончался.

– А почему люди, которые были с ним, оставили тело в доме, а не закопали его, скажем, где-нибудь в лесу?

– Этого я не знаю. Скорее всего, возиться им не хотелось. Тем более что умер Макс от передозировки, а не от ножа или удавки. Его убил героин, тихо и быстро. Вдобавок они не знали, что на этот дом нашелся покупатель. Мужик из Москвы искал земельный участок,

чтобы подальше от столицы и обязательно рядом с лесом, рекой или озером. Деревня Горькая буквально окружена всякими водоемами. Но, повторяю, покупателю нужна была земля. С ним говорили. Он объяснил, что был там на пару дней раньше, осматривался, прикидывал, во сколько обойдется снос, решил брать, дал хозяину задаток. Ему не хватало три сотни тысяч, взял кредит. Пока оформлял, покупал, месяц и прошел. А как только получил документы, так сразу нанял бригаду гастарбайтеров снести дом. Те и нашли тело Макса. «Десятка» больше в деревне не показывалась. Остальное вы знаете.

Колтунов прошелся по кабинету и спросил:

– И что ты теперь намерен делать, Рома?

– Как что? У меня сына единственного убили. Ты что на моем месте сделал бы?

– Понятно! Значит, ты решил найти и покарать наркоторговцев.

– Да! Это мое право.

– Которое не вяжется с уголовным.

– Да плевать я хотел на законы. В городе действует хорошо организованная банда наркоторговцев, которая делает деньги на жизни людей! Я позвал вас, чтобы спросить, вы со мной или в стороне?

– Я с вами, Роман Семенович, – ответил Сеницын.

Игнатьев взглянул на Колтунова.

– Ты, Юра?

– А как ты сам думаешь?

– Один раз ты уже спас меня, я твой должник, а не ты мой.

– Вот как думаешь о друге, да? Не ожидал.

– Извини, Юра, но я должен был задать этот вопрос. Война для нас закончилась восемнадцать лет назад, у тебя семья, свои дела...

Колтунов прервал Игнатьева:

– Достаточно. Ты ошибешься, Рома, война для нас боем в Арди не закончилась. Она продолжается, идет уже и в центре России.

– С работой и Ольгой вопрос решишь?

– У меня месяц отпуска. Ольга все поймет. Я подумал вот о чем. Дело, судя по всему, нам предстоит серьезное, конечно, наркоторговцы – это не наемники Айбаса, но и не лохи. Они не станут спокойно сидеть и ждать, пока мы их разделаем. Будут огрызаться, причем повзрослому. Поэтому оставлять Марию в Калининске нежелательно. Предлагаю перевезти ее ко мне. Ей рядом с Ольгой будет легче.

– Юрий Павлович дело говорит, – поддержал идею Сеницын.

– Согласен, дело. Но это невозможно. Сейчас Маша никуда не поедет, разве что на кладбище. Ей пока все безразлично. Боль, конечно, начнет утихать, вопрос в том когда.

– А если Ольге самой с ней поговорить? Не сейчас, чуть позже. Мы ведь тоже начнем действовать не с бухты-барахты. Надо выработать план, собрать информацию, все как следует проверить, подготовиться, прикрыть задницы от правоохранителей и только потом начать активные действия. Подготовительный период может оказаться довольно долгим. За это время и Мария, даст бог, отойдет немного. Вот перед тем, как нам придется ступить на тропу войны, Ольга и поговорит с Машей. Думаю, она с нашей помощью сумеет убедить ее на время уехать из города. У нас руки будут свободны.

– Попробуем. Получится, хорошо, а на нет и суда нет. Я найду, как защитить жену.

– Ладно, посмотрим. Мне надо вернуться домой, объяснить все Ольге и ствол наградной взять. Предстоящая работа без крови не обойдется.

– Ты прав, но наградные «ПМ» использовать нежелательно, – сказал Игнатьев. – Надо найти чистые стволы.

– Где бы их еще взять.

– Я достану, – неожиданно заявил Сеницын.

Офицеры взглянули на него.

– Где? – спросил Игнатьев.

– А вот это, товарищ майор, уже мое дело. Но оружие найду. Возможно, не только пистолеты, но и кое-что посolidнее.

– Ты что, занимаешься торговлей оружием? – с усмешкой осведомился Колтунов.

– Нет! Я просто знаю, кто этим занимается. Ничего, кстати, особо криминального. Просто у одного человека есть то, что нужно нам. Правда, оружие денег стоит.

– Ты найди его, деньги будут, – сказал Игнатьев.

– Тогда и мне на пару дней надо отъехать. Тоже оформить отпуск, только за свой счет, и договориться о стволах.

– Сегодня вы выпили. Завтра с утра поедете.

– Само собой, – сказал Колтунов и спросил: – А что за информацию, Рома, ты ждешь от знакомого мента? Насколько я понимаю, уголовного дела по факту гибели твоего сына никто возбуждать не собирается, не так ли?

– Дела не будет потому, что экспертиза не установила признаков насильственной смерти.

– Кстати, что записано в заключении?

– Смерть Максима наступила в результате общего отправления организма наркотическими веществами. А по твоему вопросу, Юра, скажу так. Ларионов знает, что в городе орудует банда наркоторговцев, но полиции не позволяют этим заниматься. Костя не желает мириться с таким положением дел, поэтому он с нами. Ларионов должен узнать, что за «десятка» приехала в столицу и в деревню. Кому она принадлежит. По своим каналам он попытается выйти на низший слой городской наркомафии. Невозможно распространять дурь в городе без крыши в правоохранительных органах и в администрации. Ларионов хочет накрыть не только банду, но и этих сволочей покровителей! Это тоже одна из причин, почему он с нами.

– Да, зацепиться за «десятку», это уже что-то, – заметил Колтунов. – А если удастся выйти хотя бы на одного из более-менее значимых деятелей местной банды да посадить его на крюк, то клубок, пожалуй, удастся распутать и выйти на главаря. Хотя не исключено, что его знают едва ли не все жители города, да вот только ни слова против сказать не смеют.

– Может, и так. Но на сегодня все. Выпьем?

– Да, можно. Ехать-то завтра.

– Вы пройдите в столовую, по коридору слева через арку, я поднимусь, узнаю, как жена, и приду.

– Давай.

Игнатьев пошел на второй этаж, Колтунов с Сеницыным прошагали в столовую, которая одновременно оказалась и кухней. Дом у отставного майора был большой, дорогой. Вот только счастье из него ушло навсегда. Исчезли радость, покой и любовь, а значит, и жизнь. Остались только боль да стремление найти и наказать тех, кто разрушил все, что копилось годами в этом большом, добротном доме.

Игнатьев вернулся быстро.

– Как Мария? – поинтересовался Колтунов.

– Плохо. Лежит, ни на что не реагирует. Смотрит в потолок, в глазах ни слезинки. Врач говорит, лучше бы плакала, но видно, что уже не может.

– Ей же наверняка давали успокоительные препараты, поэтому такое состояние.

– Может быть. – Хозяин дома достал из холодильника бутылку, тарелку с колбасой, баночку с малосольными грибами, вынул из шкафа бокалы, нарезал хлеб, разлил водку. – Не чокаясь, мужики.

Все выпили.

– Я опознал в морге Макса, а потом спросил у медэксперта, много ли таких бедняг поступает к ним, – проговорил Игнатьев. – Знаете, что он ответил? За последние полгода к ним привезли сто семьдесят трупов с признаками наркотического отравления. Все молодые люди, от шестнадцати до двадцати пяти лет. Бывали совсем мальчишки и мужики за сорок, но таких значительно меньше. Сто семьдесят человек за полгода на город с населением в триста тысяч. И это только те, которые погибли, а сколько людей употребляют наркотики, но пока еще живы? Ларионов говорит, что счет идет на тысячи. Это что же творится в стране? За что мы воевали? За то, чтобы в мирной жизни столкнуться с новой заразой, куда более страшной? На счету той же банды Айбаса десятки жизней ни в чем не повинных людей. Наркоторговцы, которые спокойно творят зло, не прячутся в горах, уничтожают тысячи наших сограждан. Мы целое поколение потеряли с начала проклятых девяностых. В Афгане за десять лет войны погибло около четырнадцати тысяч человек, а сейчас по всей России ежегодно от одной только наркоты мрет гораздо больше. Что это за мирная жизнь? Кому нужны такие вот перемены? Да чего говорить!.. – Он наполнил бокалы. – Пьем!

– Может, сбавим обороты? – предложил Колтунов.

– Не хочешь, не пей. А я буду! – Игнатьев опрокинул в себя водку так, словно воду выпил. – Но этим ублюдкам не пройдет безнаказанно то, что они творят. Пусть в одном городе, но мы уничтожим их бизнес вместе с ними. Ни одна сука не уйдет от ответа. А он может быть только один – смерть.

Колтунов видел, что Игнатьева повело, положил руку ему на плечо:

– Успокойся, Рома. Конечно, все ответят.

– Даже если вы оставите меня, я один пойду на них. Меня завалят, но и я с собой парутройку этих ублюдков заберу.

– Все, Рома!

– Не все. Не хочешь пить?

– Ехать рано утром.

– Тогда я за тебя. – Он выпил водку Колтунова, а затем и Синицына, рванул на себе рубашку так, что пуговицы разлетелись в разные стороны. – На куски рвать буду, землю жрать заставлю!..

Колтунов взглянул на Синицына, кивнул в сторону коридора.

– Все, Рома, пора на боковую. Куда тебя отвести, где нам с Птахой лечь?

– Я и сам до нашей с Марией спальни дойду, а вы выбирайте любые комнаты. Белье в шкафах или где-то там рядом. Найдете.

– Найдем! Пошли.

– Но вы со мной?

– С тобой, Рома, – ответил Колтунов.

Игнатьев повернулся к Синицыну.

– Не слышу ответа, Птах!

– С вами, товарищ майор.

– Вот это хорошо и правильно.

Колтунов попросил Синицына найти комнату на первом этаже и проводил хозяина дома на второй.

Докторша увидела, в каком состоянии Игнатьев, выставила их из спальни и заявила:

– Вы что, с ума сошли? Мария Львовна на грани срыва, а вы к ней!.. Идите куда-нибудь в другое помещение. В таком состоянии, Роман Семенович, к супруге ни ногой!

Игнатьев поник.

– Что, доктор, возможно ухудшение состояния?

– Вся боль сейчас внутри Марии Львовны. Она должна вырваться наружу. Это может произойти в любую минуту. Потом ей станет легче. Поэтому мы останемся здесь до утра, а вы уходите. Не мешайте нам.

– Да, конечно! – Игнатьев взглянул на Колтунова. – Пошли обратно. Я устроюсь в кабинете.

Отставные офицеры спустились на первый этаж. Игнатьев провалился в сон, как только прилег на диван. Юрий снял с него ботинки, раздевать не стал. Хорошо, что он вырубился сразу. Только надолго ли?

В кабинет вошел Сеницын.

– Я в гостевой комнате все для нас приготовил, Юрий Павлович. Там кондиционер стоит, прохладно. А что, командир уснул?

– Уснул. Медики ждут кризиса.

– Какого кризиса?

– Естественно, не экономического. Марию должно прорвать. Докторша объяснила, что долго в таком отрешенном состоянии она находиться не может.

– Не спит?..

– Нет. Ладно, все! Роман устроен, с Марией врачи, пойдем в гостевую. Перед дорогой выспаться надо.

– Мне-то ехать ерунда. Это вам до Москвы пилить.

– Рьяный инспектор ДПС может попасться прямо у дома Игнатьева. Почувствует перегар, и возникнут проблемы, посему, Птаха, спать!

– Да я не против.

Колтунов и Сеницын прошли в гостевую комнату, находившуюся напротив столовой, разделались и легли в постель. Колтунов заставил себя уснуть.

Его покой прервал истошный женский крик.

Колтунов вскочил.

– Что? Где? Кто кричал?

Сеницын тоже проснулся.

– Скорее всего, Мария Львовна.

Тишину вновь разорвал вопль.

– Да, это она.

– Наверное, начался кризис, – предположил Сеницын.

По коридору кто-то пробежал. Скорее всего, это был Игнатьев.

– Возможно. Ты будь здесь, я схожу и посмотрю. Может, потребуется убрать Романа, если он будет ломиться в спальню. – Колтунов натянул джинсы, майку, босиком пошел по лестнице, поднялся на второй этаж.

Двери спальни были открыты. В комнате горел верхний свет.

Игнатьев, трезвый как стекло, стоял у стены. Докторша и медсестра успокаивали Марию, бившуюся в истерику.

Колтунов встал рядом с другом и спросил:

– Пробило?..

– Наверное.

Истерика продолжалась недолго. Медицинская сестра сделала Марии укол, через пять минут она успокоилась, а вскоре уснула.

Врачиха вытерла пот с лица, взглянула на Игнатьева.

– Выключите свет!

Тот подчинился. Потом все вышли из спальни.

В коридоре докторша сказала:

– Ну вот, самое страшное позади. Где мы можем отдохнуть? Но недалеко отсюда.

- В комнате Макса, если вас это не пугает, – предложил хозяин дома.
- Нас не пугает. Комната напротив?
- Да. Там чистая постель.
- А место для медсестры есть?
- Кресло-кровать. Максим в детстве любил спать на нем.
- Устроит.
- А Маша надолго успокоилась? Не повторится приступ?
- Нет, – категорично заявила врачиха. – Мы дали ей сильное снотворное, до обеда должна спать. Но если проснется, мы услышим.
- Ей теперь будет легче?
- Врачиха внимательно посмотрела на Игнатьева.
- Насколько может быть легче матери, потерявшей сына. Но она постепенно успокоится. Не напрасно говорят, что время лечит все.
- Но не в моем случае, – со злостью процедил Игнатьев.
- Что вы имеете в виду? – спросила докторша. – Вы чувствуете боль?
- Да, вот здесь. – Отставной майор указал на левую сторону груди. – Ее никакими вашими препаратами не вылечишь. Для этого нужны другие, куда более эффективные средства. – Игнатьев резко развернулся и пошел в кабинет.
- О каких средствах говорил Роман Семенович? – спросила врачиха у Колтунова, который только пожал плечами.
- За окном уже брезжил рассвет.

Глава 3

Колтунов вернулся в Москву днем, в начале двенадцатого. В это время во дворе машин было мало. Он спокойно припарковался, закрыл «Форд», поднялся на свой этаж.

Дома никого не было. Жена на работе в поликлинике, сын в школе. Юрий перекусил, выпил крепкий кофе, потом достал из секретера шкатулку, в которой хранил свой наградной «ПМ». Без обоймы, чтобы двенадцатилетний сын случайно не наделал беды. Заряженная обойма лежала на шкафу.

Колтунов проверил пистолет. Ствол в полном порядке, смазан. Птаха говорил, что достанет оружие. Но и наградной «ПМ» лишним не будет. Даже на случай внезапной проверки, при наличии, скажем, в машине другого ствола. Полиция увидит один, с которым все в порядке, а второй искать не станет. Да и кто знает, что за оружие привезет Синицын?.. Это пристрелянное, проверенное. Не заклинит в самый ответственный момент.

Колтунов услышал, как в замке заскрежетал ключ. Судя по времени, жена пришла, но почему она пытается открыть своим ключом? Не увидела их машины во дворе? Юрий прошел в прихожую, открыл дверь.

– Ты дома? – воскликнула супруга.

Он забрал у нее два пакета. Ольга по дороге зашла в магазин. Непонятно только зачем, ведь они в воскресенье плотно затарились в гипермаркете.

– Во-первых, здравствуй, Оля.

– Ой, извини, привет! – Она поцеловала мужа. – А я вот в хозяйственный заглянула, купила всякой мелочи.

Они прошли на кухню.

– Рассказывай, как съездил, – сказала Ольга и села на стул.

Колтунов устроился напротив.

– Я бы предпочел, чтобы таких поездок не было.

– Что ж все-таки случилось с Максимом? Отчего он умер?

– От передозировки наркотиков.

– Что?.. – Глаза Ольги округлились. – Максим употреблял наркотики?

– Да.

– Но зачем? Все у него складывалось хорошо, и в учебе, и в спорте.

– На этот вопрос он уже не ответит, Оля.

– Ужас! Не представляю, как Мария пережила такую беду.

– Она в плохом состоянии.

– Еще бы! А Роман?

– Рома мужик, он держится.

Колтунов рассказал жене, как прошли похороны, о том, что произошло после поминок и ночью.

– Ты бы слышала этот невыносимый, нечеловеческий крик!

– Господи, мне так жаль, в голове не укладывается, что Макс мог употреблять наркотики.

– У меня тоже, но факт есть факт.

– Он не сам начал, кто-то его заставил.

Колтунов посмотрел на жену.

– Почему ты уверена в этом?

– Потому, что не было у него никакого повода принимать эту дрянь.

– Наверное, ты права.

– У него же была девушка здесь, в Москве, да?

– Была, и что?

- Может, это она посадила Макса на иглу?
- Не похоже. Роман говорил с ней. Она сама в шоке от того, что Макс бросил ее.
- И все равно кто-то заставил его колоться.
- Вот это мы и должны выяснить.
- В смысле?..
- В прямом, Оля. Рома хочет найти тех негодяев, которые погубили Макса. Такое желание вполне объяснимо. Мы с Птахой обещали помочь. Поэтому, дорогая, я завтра возвращаюсь в Калининск.
- Подожди, Юра, а как же мы?
- Кстати, насчет вас. Думаю, будет лучше, если Маша приедет к нам.
- Конечно, я приму ее, чем смогу, помогу, но ты?..
- А что я?
- Вернее, вы. Ты, Рома, Жора Синицын? Вы что, будете искать наркоторговцев?
- Если ты не забыла, дорогая, мы служили в подразделении, задачей которого являлось уничтожение террористических формирований. Наркоторговцы, от главарей банд и до распространителей – такие же террористы. Даже хуже, потому что на их счету гораздо больше жертв, чем, скажем, у какого-нибудь полевого командира.
- Но это ж опасно!
- Такова наша работа.
- Да, когда была. Но ведь вы давно уже на гражданке.
- Боевые навыки мы не потеряли.
- Ольга приставила пальцы к вискам.
- Господи, нам только этого еще не хватало!
- Ты считаешь, что я должен отказать другу?
- Юра, для борьбы с этой нечистью есть наркоконтроль, полиция, ФСБ, наконец. Они должны ловить таких мерзавцев и наказывать их.
- Да, однако в Калининске наркоторговля процветает. Вопрос, почему? Небольшой город, все на виду, а наркота продается свободно, судя по случаю с Максимом. Более того, на иглу сажают детей и подростков. Ответ может быть один. Наркомафию в городе прикрывают люди, занимающие весьма высокие посты. Возможно, в том же наркоконтроле, полиции или в администрации. При таком раскладе не приходится рассчитывать на то, что наркоторговцы понесут заслуженное наказание.
- А вы, давным-давно штатские, не обладающие никакими законными полномочиями, справитесь и с наркомафией, в которую наверняка втянуты сотни человек, и с ее высокими покровителями.
- Во-первых, нас не трое, а четверо, и это пока, на начальном этапе. Во-вторых, мы профессионалы и знаем, что делать. В-третьих, любая банда имеет слабое звено, и мы его найдем. В-четвертых, на нашей стороне правда, справедливость.
- Конечно, еще какие профессионалы!
- Так, Оля, я принял решение и не изменю его.
- Конечно, а нам тут с Валеркой переживать.
- Не исключено, что вам и Марии придется на время уехать.
- Да? А что еще не исключено?
- Это покажет время и то, как будет складываться ситуация. Ты, пожалуйста, приготовь вечером смену белья, майки, рубашки, носки, в общем, все, что мне потребуется на первое время.
- Ты когда поедешь?
- Утром.
- Даже если сын попросит остаться?

- Оля, я завтра утром уеду в Калининск. По-моему, все предельно ясно.
- Ольга вздохнула.
- Верно люди говорят, беда не приходит одна.
- Что ты хочешь этим сказать?
- А ты не понимаешь? Ведь вас же могут убить. Бандиты не остановятся ни перед чем.
- И что тогда? Как я без тебя? Как Валера?
- Колтунов поднялся, подошел к жене, обнял ее.
- Я вернусь. Обещаю!..
- Еще бы это зависело только от тебя.
- Эх, Оля, если бы ты знала, сколько раз мы с Ромой и Птахой попадали в безвыходные ситуации и ничего, выжили. Тогда против нас действовали не наркоторговцы, а озверевшие бандиты, кстати, подготовленные не хуже нас.
- Что с тобой говорить?.. Ты же решений не меняешь. Как объяснишь Валере свой отъезд?
- Еду поддержать друга в трудную минуту. Это правда.
- Ладно. – Ольга вытерла платочком глаза и спросила: – Что приготовить на обед?
- Вообще-то я перекусил, выпил кофе.
- Значит, обедать с нами не будешь?
- Я посижу за столом.
- На сколько дней тебе вещи собирать?
- На неделю.
- За все это время ты ни разу не сможешь вырваться домой? До Калининска всего каких-то двести километров.
- Видно будет, Оля. Может быть, и вырвусь. А вот звонить обещаю каждый день.
- Это ты сейчас так говоришь. Вчера тоже обещал позвонить.
- В конце концов, ты сама можешь сделать это.
- В прихожей прозвенел звонок.
- Ольга поднялась.
- Валерка из школы пришел. Заметно, что я плакала?
- Глаза немного красные.
- Колтунов вспомнил, что оставил пистолет на крышке секретера, и поспешил в зал.
- Ничего так не влечет пацанов, как оружие. На то они и пацаны.
- Он едва успел убрать пистолет, и в зал вошел сын.
- Привет, папа!
- Привет! Как дела в школе?
- Нормально. Сам посмотри. – Валерий достал из ранца дневник, передал отцу.
- Колтунов пролистал последние страницы. Замечаний нет, троек нет, четверки и пятерки.
- Хорошо. – Юрий вернул дневник. – Но тебе надо подтянуться, стать круглым отличником.
- Не хочу, – пробормотал парнишка.
- Чего ты не хочешь? – удивился Колтунов.
- Отличником быть.
- Вот те раз! Это еще что за новость?
- У нас отличников ботаниками зовут. С ними нормальные пацаны не дружат.
- Нормальные пацаны? Это кто же такие? Которые втихаря курят, к баночке с пивом прикладываются, на улице хулиганят?.. Это нормальные пацаны?
- Никто не курит и пива не пьет.
- В комнату вошла Ольга и сказала:

– Я знаю его товарищей. Хорошие ребята, гуляют в школьном дворе, играют в футбол, волейбол, на турниках занимаются.

– Да?

– Да, отец! В отличие от тебя я за сыном смотрю.

– Мария с Ромой тоже смотрели.

– На что ты намекаешь?

– На то, что улица сейчас не та, какой была во времена нашей молодости. Соблазнов слишком много. Доступных, между прочим. Тебе продадут в аптеке аскорбинку и таблетки с наркотой. Только плати. Про сигареты, водку, пиво я и не говорю. В любом ларьке, круглосуточно! Торгашам плевать на возраст, им бы бабки сорвать.

– Ты чего разбушевался?

– У нас хорошая компания, – проговорил мальчишка. – Никто не курит, даже не пробовал, о водке и не думает, тем более о каких-то таблетках. Мама знает, с кем я дружу, и часто приходит туда, где мы гуляем.

– Ладно, извини, Валера. День вчера тяжелый выдался. Мир?

– Мир! Папа, а это правда, что Максим Игнатьев умер?

Колтунов посмотрел на жену.

– Ты сказала?

– Я.

– Зачем?

– Он все равно узнал бы.

Юрий покачал головой, взглянул на Валерия.

– Да, сынок, правда. Я ездил на похороны.

– Но он же такой молодой!..

– Иногда бывает, что и молодые умирают.

– Он болел?

– Да, очень сильно. Вылечить нельзя было. Подрастешь немного, я тебе расскажу, что это за болезнь.

– Почему не хочешь сейчас рассказать? Я уже не маленький.

– Не маленький, но и не настолько взрослый, чтобы все правильно понять. Так и должно быть. Это не недостаток, просто тебе еще рано знать какие-то вещи.

– Ладно. А мы пойдем в субботу в зоопарк?

Колтунов присел рядом с сыном.

– Понимаешь, Валера, мне надо уехать, так что, скорее всего, вы сходите в зоопарк с мамой.

– Она работает в субботу, а ты обещал.

– Обстоятельства, сынок, изменились. Мне надо уехать в командировку.

– В какую командировку, если ты в отпуске?

В разговор вступила Ольга:

– Сынок, папе надо поехать к дяде Роме и тете Маше. Им сейчас очень плохо. А в зоопарк мы с тобой в воскресенье сходим.

– Так не честно. – Сын посмотрел на отца. – Ты же сам всегда говорил, мол, если что-то обещал, то должен выполнить. Мужчины обязаны держать слово.

– Все это так, сынок, и я от обещания не отказываюсь. Но так уж получилось, что я должен поддержать друга в тяжелую минуту.

Валера шмыгнул носом.

– Тогда пойдем в зоопарк, когда ты приедешь.

– А почему с мамой не хочешь?

– Я хочу с тобой. Мама все время торопится. Ей то в магазин надо, то обед или ужин готовить.

– Не капризничай.

– И вообще, давай-ка быстро переодевайся, мой руки и садись за стол. Будем обедать, – сказала Ольга.

Остаток дня и вечер прошли в нервной обстановке. Ольга нервничала, перед сном собрала мужу сумку. Традиционный семейный ужин прошел в молчании.

Утром Колтунов привел себя в порядок, на скорую руку позавтракал, взял наградной пистолет и выехал со двора. Через час он оказался на загородном шоссе, достал из кармана легкой рубашки сотовый телефон, набрал номер.

– Да! – тут же ответил Игнатьев.

– Привет, Рома!

– Здравствуй, Юра! Ты сейчас где?

– Еду в твой славный Калининск.

– Когда планируешь прибыть?

– Если ничего не случится, то где-то в одиннадцать должен быть в городе.

– Когда будешь подъезжать, еще раз набери меня.

– Добро, договорились. Как Мария?

– Весьма хреново, но разговаривать стала. Просит отвезти на могилу, но куда ее в таком состоянии? Хотя врач вроде и не запрещает.

– Думаю, лучше пока воздержаться.

– Я тоже так считаю. До связи!

– Давай, позвоню.

Колтунов преодолел расстояние до Калининска за два с половиной часа, благо шоссе не было загружено плотным транспортным потоком. Автомобили в основном шли в сторону Москвы. В половине одиннадцатого Юрий миновал въездной пост ДПС.

Потом он принял вправо, сбавил скорость, вновь набрал номер друга и сказал:

– Рома, я в городе.

– Где конкретно?

– Московское шоссе, у тоннеля под железной дорогой.

– Ты знаешь, где находится городское УВД?

– Нет. Назови улицу, по навигатору ориентируюсь.

– Улица Разина, дом сорок три.

– Понял. А для чего мне ехать в управление?

– У меня там на одиннадцать назначена встреча с Ларионовым.

– Ты хочешь, чтобы я присутствовал на ней?

– Да, поэтому подъезжай к УВД.

– Как насчет пропуска?

– Будет тебе пропуск.

– Где находится кабинет майора?

– На втором этаже. Тебя встретят и проводят.

– Хорошо. Так, вижу маршрут. Насколько же вам все-таки проще в провинции! Две-три улицы, и ты на месте.

– Встреча в одиннадцать.

– Да, запомнил я.

– Давай!

Вскоре отставной капитан был на месте и вошел в управление.

В бюро пропусков к нему подошел лейтенант и осведомился:

– Колтунов Юрий Павлович?

– Он самый.

– Здравия желаю, лейтенант Владимир Жуков. Я от Ларионова, он приказал оформить на вас пропуск и провести к нему в кабинет.

– Что для этого требуется?

– Ваш паспорт либо другой документ, удостоверяющий личность.

– Пожалуйста. – Колтунов протянул лейтенанту паспорт.

– Минуту, – ответил тот, прошел в помещение, где выписывали пропуска, вскоре вернулся, указал на «вертушку». – Прошу, Юрий Павлович.

Спустя несколько минут офицеры зашли в кабинет заместителя начальника управления. Колтунов поздоровался с Игнатьевым и Ларионовым. Тот предложил Юрию сесть в кресло, стоявшее у стола совещаний.

Игнатьев объяснил другу:

– Костя вчера начал поиск загадочной «десятки» и точек распространения наркоты.

– И что, есть результаты?

– Кое-что есть, – ответил Ларионов. – Я посылал своего сотрудника в Ершово. Там он встретился с участковым, в район ответственности которого входит деревня Горькая. Капитан Агеев давно там работает, знает все и вся. Он нашел свидетелей в Горькой, которые видели эту «десятку», выяснил номер гордости отечественного автопрома. На Ершовском посту ДПС эту «десятку» дважды останавливали...

Дверь в кабинет открылась, на пороге появился невысокий, но крепкий с виду полковник.

– Здравствуй, Константин Максимович.

Ларионов поднялся.

– Здравия желаю, Алексей Петрович.

– Ты занят? Роман Семенович!.. – узнал он Игнатьева. – Понятно. Извини, майор, я невольно слышал о «десятке». Так ты нашел машину, на которой, возможно, был вывезен труп сына Игнатьева?

– Я не могу искать кого-то или что-то, связанное со смертью Максима Игнатьева, товарищ полковник. Дело-то по факту его смерти не возбуждено!

– Понятно. Ты вот что, когда освободишься, зайди ко мне.

– Есть, Алексей Петрович.

– До двенадцати часов я буду у себя.

– Хорошо, зайду.

Полковник вышел.

– Кто это? – спросил Колтунов.

– Начальник управления, – ответил Игнатьев.

– Как мужик?

– Так себе, – пробурчал Ларионов.

– Физиономия у него как у барыги, – произнес Колтунов. – Глазки хитрые, узкие. Сто против одного, по благу на должность попал.

– Из Москвы прислали, – сказал Ларионов. – Но не на повышение. Скорее для того, чтобы убрать его из столицы. Подозревался во взяточничестве, доказать ничего не смогли, но и оставлять в центральном аппарате не стали. В общем, такой вот блат.

– И давно он у вас?

– Два года уже. Что интересно, я уж десять лет в управлении, а только недавно квартиру получил. Полковник же вмиг успел обзавестись недешевым коттеджем в черте города. Впрочем, это к делу не относится.

– Кто знает, Костя, – проговорил Игнатьев. – Слышал я, ваш полковник частенько заглядывает в развлекательный центр, а тот в отличие от других словно не существует для налоговой

инспекции. У меня там сосед работает. Говорил, что за два года ни одной серьезной проверки не было.

– А тебе не кажется, Рома, что мы от темы отклонились?

– Ты прав. Продолжай.

Ларионов улыбнулся.

– Есть, товарищ майор! Ну, в общем, номера машины выяснили, соответственно, владельца «десятки» найти не составило труда.

– Какой-нибудь пенсионер? – с усмешкой спросил Колтунов.

– Нет, Юрий Павлович...

– Слушай, майор, давай на «ты» и по имени.

– Хорошо. Нет, Юра, машина принадлежит некому Ванину Михаилу Юрьевичу, судимому по малолетке.

– Интересно, и чем господин Ванин на жизнь себе зарабатывает? – спросил Колтунов.

– Частным извозом, – ответил Ларионов.

– Все чин по чину? Лицензия?

– Как ни странно, да, лицензия, договор с таксомоторной фирмой.

– Значит, у этого Ванина на все и всегда найдется отмазка. Ездил в Горькую? Ага. Куда клиенту надо, туда я его и вез.

– Точно так.

– Надо этого Ванина прижать хорошенько! – воскликнул Игнатьев. – Ведь он же в Москву к сыну кого-то возил, возможно, и сам наведывался.

– погоди, Рома, остынь, – ответил Ларионов. – Надо будет, прижмем, но пока рано.

– А никто не заметил, кого этот Ванин возил в Горькую? – поинтересовался Колтунов. – Ведь он там был не раз.

– Сразу видно разведчика! – заявил Ларионов. – Профессиональные навыки не ослабевают. Свидетели никого конкретно описать не смогли. Да, были молодые люди, двое, трое, а то и четверо, останавливались в том доме на отшибе. Однако на посту ДПС между Ершово и Горькой установлены камеры видеонаблюдения. Они выцепили двух пассажиров «десятки» как раз накануне трагедии, тринадцатого июня сего года. Один из пассажиров – Максим, второй – Вадим Щукин. Он попался на мелкой краже. Пострадавшие заявление подавать не стали, вроде вор все вернул им, ну, соответственно, дело и закрыли.

– Чем интересен нам Щукин? – спросил Колтунов.

– Хотя бы тем, что он наркоман со стажем. На кражу пошел, чтобы купить дозу.

– Если этот Щукин был с Максом, значит, они вместе кололись, – проговорил Игнатьев.

– Скорее всего. Вот с этого Щукина, мужики, я и предлагаю начать работу по выявлению всей цепочки наркотрафика в городе. Кто, как не Щукин, знает все точки, где можно приобрести дурь?

Игнатьев кивнул.

– Согласен.

Колтунов взглянул на Ларионова:

– Рома говорил, что ты уже нашел одного из распространителей, так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.